

Дворецкий удержал разъярённого Сяо Лю. Если дело дойдёт до драки, ситуация выйдет из-под контроля, не дай бог, кто-то пострадает. Дворецкий мельком взглянула на Фаня Сымина, того безумного, на диване. Связываться с таким типом, рисковать — если что случится, как она будет отчитываться перед господином? Одной рукой она взяла Кан Яня за локоть и мягко сказала:

— Молодой господин Кан, давайте сначала вернёмся.

— Я... — голос Кан Яня предательски дрогнул. Он не хотел показывать свою слабость здесь. Выпрямив спину, он не стал продолжать. Он был не согласен, но ничего не мог поделать.

Дворецкий всё понимала. Она похлопала Кан Яня по спине и тихо сказала:

— Подождём, пока завтра господин вернётся. Сяо Лю, забирай личное дело, идём.

— Вещи из общежития забирайте все, — декан факультета хотел поскорее избавиться от этой проблемы, не желая затягивать на несколько дней.

Сяо Лю взял личное дело студента. Дворецкий, тётя Ван, прикрывая Кан Яня, вышла. Всю дорогу трое молчали. Под тёмным лунным светом лицо Кан Яня было белым, в глазах — растерянность, несогласие, боль и страдание. Он потер глаза и молчал. Добравшись до общежития, они узнали, что декан факультета уже позвонил дежурной. Та встретила их с язвительной усмешкой, пошла за Кан Янем наверх и наблюдала, как он собирается.

В комнате было все пятеро соседей. Увидев свою разгромленную и грязную кровать, Кан Янь услышал объяснения:

— Мы вернулись, а уже всё так. Твой компьютер был в шкафчике, эти ублюдки его тоже разбили, чёрт побери.

Они были возмущены и беспокоились:

— Кан Янь, как дела? Объяснился?

Кан Янь смотрел на разбитый ноутбук на столе, на кровать, залитую водой, на одежду... Всё было перевернуто вверх дном, хотя они и пытались прибрать. Дрожащей рукой он с болью погладил компьютер. Это была не просто вещь. В большей степени это были надежды Кан Яня на будущее: хорошо учиться, найти хорошую работу, чтобы дедушка с бабушкой были спокойны, что у него всё будет хорошо. А теперь ничего не осталось. Ничего.

Сяо Лю был вне себя от ярости и набросился на дежурную:

— Вещи Кан Яня испорчены. И это вы называете присмотром?

— Декан сказал, вопрос улажен, тебе вернут плату за обучение. Если будешь настаивать на своём — не видать тебе этих денег, — дежурная была уверена, что Кан Янь пойдёт на уступки.

— Вызывай полицию, Сяо Лю. Вызывай, — распорядилась дворецкий.

— Не жалея потом. Какая ещё полиция? Мало тебе позора? — выругалась дежурная и поспешно стала звонить декану.

Остальные в комнате, хотя и сочувствовали Кан Яню, боялись быть втянутыми и отчисленными. Они не смели громко возмущаться, лишь один сказал:

— Кан Янь, потерпи. Если действительно раздуешь скандал, этот мажорище тебя опозорит окончательно. Как ты потом жить будешь?

— Ты против него — как яйцо об камень. Подумай о будущем.

Терпеть?

Ладонь Кан Яня, где швы почти зажили, снова кровоточила. Он вспомнил, как впервые деревенские ребята дразнили его «девчонкой». Не выдержав, он бросился на обидчика и избил его. В итоге мать того парнишки привела людей к их дому. Ругали не только его, но и дедушку с бабушкой, унижали, говорили, что плохо его воспитали, что он «сволочь без отца-матери», вот и сына потеряли. В конце концов, старики отдали соседям все яйца и только что купленное мясо, чтобы замять дело. Они не ругали его, только весь месяц ели без мяса и яиц. Потом дедушка купил десяток яиц — все ему, сами не ели.

С тех пор Кан Янь понял: он не такой, как все. У него нет поддержки. То, что для других — пустяк, для него — сокрушительный удар. Он не может себе позволить такое. Поэтому он съёживался, боялся неприятностей, когда обижали — уступал. Но дедушка и бабушка умерли. В этом мире он остался один. Совсем один, без привязок. Так чего теперь терпеть?

Отступить некуда. Он так скучал по дедушке и бабушке.

Тётя Ван разговаривала по телефону в коридоре.

— Фань Сымин оклеветал молодого господина Кана, подделал его откровенные фото. Сейчас университет отчисляет. У того сторона с людьми. Вещи молодого господина Кана в общежитии испорчены. Я вызвала полицию.

Дворецкий объяснила ситуацию. Господина не было в столице, а у той стороны, судя по всему, были связи. Боялась, как бы молодой господин Кан не пострадал.

— Понял, — голос Дуань Цифэна прозвучал холодно. Он положил трубку и сказал помощнику:

— Организуй возвращение в столицу. — Затем набрал номер и связался с нужными людьми.

Полиция прибыла быстро.

Люди у входа, которые караулили, спросили у Фань Сымина, что теперь делать. Тот с мрачной жестокостью в глазах ответил:

— Выкладывай фото в сеть. — Изначально он планировал дождаться, когда Кан Янь выйдет за ворота университета, схватить его, подсыпать наркотик и устроить групповое изнасилование, да ещё в прямом эфире. Всё, что случилось с ним той ночью, Кан Янь должен был испытать на себе.

В комнате всё было перевернуто вверх дном. Сяо Лю фотографировал для доказательств. Декана факультета и Фаня Сымина тоже вызвали, в итоге всех пригласили в участок для дачи показаний.

— Товарищ полицейский, этот студент ведёт себя недостойно, наносит ущерб репутации. Другие студенты, возмущённые, не выдержали и устроили разборку. Там же всего одеяла да одежда, копейки стоят, — пытался замять дело декан факультета.

— А компьютер? Это же ценная вещь. Говорите, другие студенты испортили. Кто именно? — стукнул рукой по столу полицейский. — Проверим записи с камер — сразу всё ясно.

Во время разговора дверь кабинета открылась. Вошёл человек. Полицейский, до этого действовавший строго по инструкции, встал и назвал его «товарищ начальник участка». Начальник участка сначала подошёл к Фаню Сымину:

— Вас это не касается. Отдохните немного?

— Камеры наблюдения в университете сломаны. К господину Фаню это не имеет отношения. Зачем же его привезли?

— Сам пожелал приехать.

— Ладно, дело-то пустяковое: какая-то одежда, постельное бельё, гроши. Пусть стороны уладят между собой. Уже поздно, чего время терять.

Сяо Лю и дворецкий не были непосредственными участниками, поэтому им пришлось ждать снаружи. Фаня Сымина пригласили в комнату отдыха, декана факультета тоже не задержали. А вот Кан Яня оставили в кабинете для допросов. К нему никто не подходил, решив продержат его там пару часов до утра, а потом уже решать вопрос об урегулировании.

— Почему задерживают Кан Яня? Он же явно пострадавшая сторона, — не выдержал Сяо Лю.

Полицейский поднял на него взгляд и поправил:

— Во-первых, его не задерживают. Его попросили остаться для дачи показаний. Во-вторых, расследование ещё идёт. Вы кто вообще? Родственники Кан Яня? Если нет, то не мешайте работе.

В этот момент в дверь вошёл человек. Полицейский присмотрелся: а это что начальник участка делает здесь? А тот, кто впереди... лицо знакомое...

— Н-начальник управления?! — наконец сообразил, что это начальник управления их районного отделения.

— Где человек? — срочно спросил начальник участка. Полицейский растерялся:

— К-какой человек? — Тут же сообразил:

— Товарищ начальник участка пригласил его в кабинет, чай пьёт.

Полицейский подумал, что речь о Фане Сымине: «Вот это мажорище, связи даже у начальника участка есть. Теперь ещё и начальник управления пожаловал».

— Начальник Фэн, в кабинете чай пьют, всё в порядке. Мы строго соблюдаем закон, не станем обижать студента... — начальник участка, указывая дорогу, говорил это начальнику Фэну с подобострастной улыбкой.

Полицейский позади услышал и наконец понял. На его лице отразился шок: «Разве речь не о том мажоре, Фане Сымине? Почему тогда о каком-то студенте?»

Тридцать минут второго ночи.

В кабинете начальника участка на втором этаже начальник участка поднёс Фаню Сымину заваренный чай:

— Попробуйте, это недавно достал «Те Гуань Инь».

Фань Сымин взял, отпил глоток и с отвращением сказал:

— Как-нибудь подарю вам хорошего. Это разве хороший чай?

— Конечно, мне с вами не сравниться. Спасибо, молодой господин Фань, — начальник участка улыбался, ничуть не смущаясь бестактности Фань Сымина. — Молодой господин Фань, дело-то пустяковое. Пусть ночь на холодной скамейке посидит, а утром можно будет договориться полюбовно.

Фань Сымин кивнул. Он знал, что вопрос решается легко. У этой шлюхи в столице ни родни, ни связей, ни власти, ни денег. Раздавить Кан Яня — как муравья раздавить. Потом у него будет много способов замучить его до смерти.

— Так и хорошо. Когда выйдет, я с ним медленно, понемногу развлекусь, — говорил Фань Сымин крайне нагло, совершенно не стесняясь присутствия начальника участка.

Начальник участка делал вид, что не слышит. Порча имущества — гражданский спор. На его участке можно урегулировать, сгладить острые углы. Даже если тот парень подаст в суд, с деньгами семьи Фань Сымина разве сможет он отправить его за решётку? Лучше сейчас потерпеть, уступить — и всё пройдёт. Молодые горячие. Сейчас на эмоциях, но потом поймут, что против силы не попрёшь.

Если потом Фань Сымин натворит дел, перейдёт границы — Пекин город большой, рано или поздно нарвётся на кого-то серьёзного. Тогда это уже будет не его, начальника участка, головная боль, не его отвечать.

Выигрывают все, никто не остаётся в обиде. Идеально.

— Давайте, пейте чай.

Втроём они пили чай. Декан факультета тоже был тут, но с самого начала его проигнорировали, на него не обращали внимания.

Дверь распахнулась.

Начальник участка, спиной к двери, разговаривал с Фанем Сымином. Услышав шум, не оборачиваясь, бросил:

— Что такое? Входят без стука?

— Начальник Фэн, вы же видите, всё в порядке, чай пьют, никого не притесняют, — у начальника участка не было времени отчитывать своего подчинённого.

Завтра вернётся дядя-босс.

Дуань-босс: Я — твоя опора, позволяющая тебе быть непоколебимым.

Чмоки!

<http://bllate.org/book/15594/1390356>